ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие *5*
Глава первая: Феномен Алёны Арзамасской 9
Глава вторая: Советский миф об Алёне Арзамасской 34
Глава третья: Алёна национальная 74
Глава четвёртая: Воительница, колдунья, монахиня 108
Глава пятая: Старообрядчество Алёны 137
Глава шестая: Алёна Арзамасская в Арзамасе 166
Глава седьмая: Алёна или Марфа 202
Глава восьмая: Атаманша или ватажница? 244
Глава девятая: Мемориальная Алёна 263
Заключение 288
Приложение к главе «Алёна или Марфа» 293
Библиография 323
Полевые материалы 349

Ныне слуги государевы
Атамана-бабу жгут —
Атамана небывалого,
Что за смердов и рабов
Да за старого да малого
Жизнь свою отдать готов.
Атаман, что бабью долюшку
Непокорно скинул с плеч,
Променял на вольну волюшку
Да на грозный, верный меч...

Н. П. Кончаловская

Алёна Арзамасская — участница крестьянской войны 1670—1671 годов, разинская сподвижница, одна из самых загадочных исторических личностей позднего русского средневековья. Её судьба и обстоятельства её гибели настолько экстраординарны, что Алёна сделалась объектом неизменного упоминания иностранцев — свидетелей крестьянской войны, а в наше время — исследователей, обращавшихся к изучению разинского восстания. Вместе с этим скудность сведений о жизни и смерти старицы Алёны породила вокруг её имени настоящую вселенную мифов, имеющую мало общего с действительностью. Всё, что мы знаем сегодня об Алёне Арзамасской, всю совокупность данных о ней, включая научную, литературную и культурологическую составляющую, можно назвать общественным феноменом.

Алёна получила прозвание по месту своего рождения — Арзамасской Выездной слободе, также к прозванию прибавляют эпитет «Темниковская», так как ключевые этапы её деятельности прошли в городе Темникове (Мордовия). История этой женщины действительно уникальна. Судя по документам, Алёна Арзамасская оставила монашество ради борьбы с угнетателями, находилась в рядах повстанцев, была казнена на костре, за что её называют русской Жанной д'Арк.

Напомним, что Советский энциклопедический словарь о Жанне д'Арк сообщает следующее: *«Жанна д'Арк (Jeanne d'Arc). Орлеанская дева (ок. 1412—31), нар. героиня Франции. Из крест. семьи. В ходе Столетней войны 1337—1453 возглавила борьбу франц. народа против англ. захватчиков, в 1429 освободила Орлеан от осады. В 1430 попала в плен к бургундцам, продавшим её англичанам, к-рые объявили Ж. д'Арк колдуньей и предали её церк. суду. Обвинённая в ереси, в Руане сожжена на костре. В 1920 канонизирована католич. церковью».*

Историю Жанны стали изучать сразу после её гибели. Только во время правления Карла VII и его преемника, то есть за полстолетия, историю Жанны д'Арк излагают 22 французских, 8 бургундских и 14 иностранных хронистов. К этим 44 летописцам надо ещё прибавить 9 поэтов, которые в XV в. воспевали подвиг Орлеанской девы.

Опирались все эти сочинения на небольшое количество первоначальных источников, из-за чего разные версии её жизни и подвига противоречивы, и даже возникали сомнения в том, что она действительно была сожжена, так как официального акта о казни нет. При этом, церковная литература о Жанне д'Арк огромна. Также огромна и литература светская. Подвиг Орлеанской девы вдохновлял лучшие умы Западной Европы: о ней рассказывали Вольтер, Фридрих Шиллер, Анатоль Франс, Марк Твен, Бернард Шоу, Анна Зегерс и другие известные писатели.

В этом плане посмертные истории Жанны и Алёны и похожи, и не похожи. В отличие от Жанны, судьбу Алёны стали изучать спустя несколько столетий после её гибели, и если церковных сочинений о ней нет, то в отечественной исторической и художественной литературе она заняла место, подобное месту Жанны в западноевропейской. При этом, как бы ни был мал корпус документальных сведений о Жанне, об Алёне он всё равно значительно меньше, при этом противоречий в нём также хватает.

Феномен Алёны Арзамасской заключается в том, что несколько строк документа о ней самой, вкупе с другими упоминаниями неназванной монахини, казнённой на костре, породили, как сказано выше, огромный миф, продолжающий обрастать новыми подробностями. При этом до сих пор никто

не может поручиться, что речь в источниках идёт об одной и той же женщине, и звучат обоснованные сомнения в других «ипостасях» Алёны.

Деятельность Алёны — монахини, вдовы, ведуньи и атаманши — оставила огромное количество загадок. Любая из её «ипостасей» уже сама по себе тема для исследования. На страницах данной книги мы постараемся подробнее рассмотреть эти аспекты, более полно раскрыть личность и судьбу этой необыкновенной женщины, а также её образ в нашей литературе и культуре.

Оговоримся сразу, что, несмотря на закономерные сомнения, в нашем исследовании мы будем исходить из того, что всё, что сказано в документах о беглой монахине-соратнице Разина, сказано об одном и том же человеке — об Алёне из Арзамасской Выездной слободы.

Документальных известий о ней всего только шесть. При этом четыре из них — иностранные источники. Эти источники, кстати, вызывают обоснованный скептицизм: опубликованные в них сведения разбавлены яркими деталями, которые можно принять или за осознанные искажения, допущенные авторами в угоду популярным в середине XVII века западноевропейским сюжетам о Робин Гуде и той же Жанне д'Арк, или за ошибочную интерпретацию реальных событий.

Кратко рассмотрим эти источники, так как не раз будем обращаться к ним в дальнейшем. Главным из них, написанным буквально по горячим следам, можно назвать «Сообщение, касательно подробностей мятежа, недавно произведённого в Московии Стенькой Разиным». Оно было составлено в Архангельске 23 сентября 1671 г. неким моряком, имя которого осталось неизвестным. Опубликованное сначала на немецком и голландском

«Сообщение» уже в 1672 г. было переведено на французский и английский языки. Непосредственно про нашу героиню там сказано, что: «*Среди прочих пленных была привезена к князю Юрию Долгорукому монахиня в мужском платье, надетом поверх монашеского одеяния. Монахиня та имела под командой своей семь тысяч человек и сражалась храбро, покуда не была взята в плен. Она не дрогнула и ничем не выказала страха, когда услыхала приговор: быть сожжённой заживо. Бегство из монастыря считается у русских преступлением ужасным, караемым смертью. Прежде чем ей умереть, она пожелала, чтобы сыскалось поболее людей, которые поступали бы, как им пристало, и бились так же храбро, как она, тогда, наверное, поворотил бы князь Юрий вспять. Перед смертью она перекрестилась на русский лад: сперва лоб, потом грудь, спокойно взошла на костёр и была сожжена в пепел*».*

Другое известие о монахине, сожжённой на костре, содержится в работе секретаря голландского посольства Балтазара де Койэтта, описавшего пребывание в России посла Кунрада фан Кленка. Этот труд был опубликован в Голландии в 1677 году, и сведения, приведённые в нем, похожи на записи анонимного моряка, что позволяет предположить их общий исходник или плагиат.

---

* Записки иностранцев о восстании Степана Разина. Под. ред. А. Г. Манькова. Л., 1968. С. 112—113.

Собственно на то, что Койэтт заимствовал свой рассказ о восстании Разина из «Сообщения...», указал ещё В.И. Веретенников.* У Б. Койэтта сказано, что после победы над разинцами к князю Долгорукову, командовавшему правительственными войсками, «*между другими пленными приведена была некая монахиня, которая, одетая в мужское одеяние, начальствовала над 7000 человек и во всех случаях выказала себя стойкою и храброю. Она была приговорена к сожжению и, несколько раз перекрестив себе по обычаю русских грудь и лоб, бестрепетно вошла в деревянный, сверху открытый домик, в котором легла наземь и была сожжена здесь в пепел*».**

Разинское движение с самого его начала вызвало в Западной Европе огромный интерес, который не ослабевал и после подавления бунта. В июле 1674 году в Виттенбергском университете в Германии по этой теме защитил диссертацию немецкий учёный Иоганн Юстус Марций. Диссертация называлась «Стенько Разин, донской казак-изменник», и она считается первым научным трудом о разинщине. Разумеется, сей труд не

---

* Веретенников В. И. Об иностранных, современных событию, источниках для истории разинского восстания / Научные записки научно-исследовательской кафедры истории европейской культуры. М., 1927. Т. II. С. 172.

** Посольство Кунрада фан Кленка к царям Алексею Михайловичу и Феодору Алексеевичу. Подгот. к изд. А. И. Цепков. Рязань, 2008. С. 455.

обошёлся без упоминания монахини-бунтовщицы, пусть и в контексте других известий. Марций писал, что после ожесточённого боя с повстанцами у села Мурашкино начались казни захваченных в плен бунтовщиков, «*но никого не наказывали строже, чем казаков мордвинов, если не считать некоей женщины, которую сожгли за то, что монашеский чин, к которому раньше принадлежала, она сменила на военные одежды и дела*».*

Последним и наиболее ярким сообщением о казнённой монахине является труд Иоганна Фриша, опубликованный в 1677 году в германском городе Альтоне. Названный как «Поучительные досуги, или примечательные и вдумчивые беседы», он содержит наиболее подробный рассказ о монахине-воительнице, при этом и наименее верифицируемый. Фриш сообщил следующее: «*Через несколько дней после его (Степана Разина. — Авт.) казни была сожжена монахиня, которая, находясь с ним заодно, подобно амазонке, превосходила мужчин своей необычной отвагой. Когда часть его войск была разбита Долгоруковым, она, будучи их предводителем, укрылась в церкви и продолжала там так упорно сопротивляться, что сперва расстреляла все свои стрелы, убив при этом ещё семерых или восьмерых, а после того, как увидела, что дальнейшее сопротивление невозможно, от-*

* Иностранные известия о восстании Степана Разина. Под ред. А. Г. Манькова. Л., 1975. С. 73.

вязала саблю, отшвырнула её и с распростертыми руками бросилась навзничь к алтарю. В этой позе она и была найдена и пленена ворвавшимися [солдатами]. Она должна была обладать небывалой силой, так как в армии Долгорукова не нашлось никого, кто смог бы натянуть до конца принадлежавший ей лук. Её мужество проявилось также во время казни, когда она спокойно взошла на край хижины, сооружённой по московскому обычаю из дерева, соломы и других горючих вещей, и, перекрестившись и свершив другие обряды, смело прыгнула в неё, захлопнула за собой крышку и, когда всё было охвачено пламенем, не издала ни звука».*

Уникальная судьба монахини-воительницы впечатлила современников-иностранцев, однако мы видим, что ни в одном из произведений храбрая женщина не была названа по имени. При общем согласии авторов об её воинском статусе, духовном чине и смерти на костре, детали сообщений также разнятся. Записи анонимного моряка, Балтазара Койэта и Иоганна Марция указывают на то, что мятежная монахиня была захвачена в сражении у села Мурашкино (современная Нижегородская область), где Алёна никогда не была. В свою очередь Иоганн Фриш, не привязывая пленение монахини к какой-то локации, утверждал, что она была сожжена

---

* Иностранные известия о восстании Степана Разина. С. 134—135.

после казни Разина, хотя мятежный атаман был четвертован в Москве более чем через полгода после казни Алёны.

Можем констатировать: иностранцы, опираясь на слухи и складывавшиеся уже тогда легенды, даже при всём стремлении к объективности, позволили себе неточности. Если только, речь в их сообщениях не шла о других восставших монахинях. Ленинградский учёный А. Г. Маньков, комментировавший эти сообщения, допускал такую мысль.* Впрочем, выше мы условились в том, что всё это говорилось об одной и той же женщине.

Русские документы, непосредственно касающиеся событий, связанных с монахиней-бунтовщицей, скупее в деталях, потому что являются официальными донесениями царских военачальников. К сожалению, таких документов только два, и только в одном из них монахиня названа по имени. В октябре 1670 года после боя у села Кременки Кадомского уезда были захвачены в плен есаул восставших Андрей Осипов и темниковский абыз, мурза Смаил Соколов. На допросе кроме прочего есаул Осипов показал, что другие повстанцы рассказали ему, будто в Шацком уезде «*ходит баба ведунья, вдова, крестьянка Темниковского уезда Красной Слободы, и собралось с ней воровских людей 600 человек*». Он добавил, что эта «баба-ведунья» со-

---

* Записки иностранцев о восстании Степана Разина. С. 124.

бирается из Шацка двинуться на Касимов. В свою очередь абыз Соколов добавил, что «баба» эта — «*старица, а какого чину в миру была, и откуда, и какие люди с ней собрались, и где она ныне, про то подлинно не ведает*». Пленные разошлись в оценке размеров отряда «ведуньи»: если есаул назвал цифру в 600 человек, то темниковский абыз сказал про 200.* Имя «старицы» осталось неназванным, при этом Осипов, как мы видим, указал её место происхождения — село Красная слобода Темниковского уезда.

Единственный документ, наиболее полно дающий сведения об атаманше Алёне, был отправлен в столицу в декабре 1670 года. Четвёртого декабря указанного года командующий правительственными войсками князь Юрий Долгоруков во главе отрядов, подавлявших восстание, подошёл к Темникову. Навстречу ему вышли «лучшие люди» города, которые привели схваченных в Темникове руководителей восстания. В своей «Отписке» в Приказ Казанского дворца от 6 декабря 1670 года князь указал, что «*не дошед до Темникова за две версты*» его встретили «*города Темникова протопоп и священники и диаконы, и темниковские всяких чинов люди, и уездных церквей священники и крестьяне со святыми иконами и со кресты*».

---

* Крестьянская война под предводительством Степана Разина. М., 1957. Т. II. Ч. I. С. 129—130.

Темниковцы «*били челом великому государю*» с повинной, что «*они у воровских людей в Темникове и в Темниковском уезде были поневоле, и воровские люди их разоряли*». При этом привели «*Темниковского уезда села Акселу попа Саву да розных сел и деревень крестьян 18 человек, которые с ворами были вместе и против великого государя ратных людей на боях бились и бунты многие заводили, и домы грабили. И многих женского полу чинили поругание, а иных запытали до смерти. Да темниковцы же... привели вора и еретика старицу, которая воровала, да с нею же принесли воровские заговорные письма и коренья... А вор старица в расспросе и с пытки сказалась — Алёною зовут, родиною города Арзамаса, Выездные слободы крестьянская дочь; была замужем и, как муж её умер, постриглась. И была во многих местах на воровстве и людей портила. А в нынешнем году пришла из Арзамаса в Темников, и збирала с собой на воровство многих людей, и стояла в Темникове на воевоцком дворе с атаманом Федькою Сидоровым и его учила ведовству. И мы, холопи твои... вора старицу за её воровство и с нею воровские письма и коренья велели зжечь в струбе*».*

Старица — значит монахиня, и в этой же Отписке было сказано об ещё одном священнике, окормлявшем повстанцев в Темнико-

---

* Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т. II. Ч. I. С. 367.

ве, — попе Пимене, служившем в соборной церкви с «благословления» атамана Федьки Сидорова. То есть среди руководителей восстания в Темникове было сразу три духовных лица: упомянутый выше поп Савва, затем поп Пимен и старица Алёна, если считать её таким руководителем.

Это единственный документ, где монахиня-бунтовщица не только названа по имени, но и обозначен её преступный статус «вора и еретика», доказательством чему служили «заговорные письма и коренья». На основании именно этого документа и появились все комментарии учёных и интерпретации литераторов. И документ действительно при небольшом объёме сведений несёт максимум информации обо всех «ипостасях» деятельности мятежной монахини. Она названа «старицей», то есть монахиней, также названа «вдовой», и на фоне улик — «заговорных писем и кореньев» — призналась в ведовстве. Её упоминание в числе захваченных «заводчиков бунта», и её признание в том, что «людей збирала на воровство», косвенно указывают на то, что старица Алёна была одним из лидеров восстания в Темникове.

Собственно, этим корпус данных о монахине-бунтовщице Алёне исчерпывается. Заметим, что только Иоганн Фриш сказал, что «*монахиня была заодно с Разиным*» — но это, конечно, не так. Сообщения других иностранцев-современников могут подве-

сти к выводу, что старицу схватили после боя у села Мурашкино, что тоже неверно. Русские документы прямо указывают на то, что монахиня оперировала в регионе междуречья Тёши и Мокши, до которого Разин так и не добрался. И если не выдумывать какой-то предыстории, то, очевидно, что она и донской атаман никогда не встречались и друг друга лично не знали.

Тем не менее, номинально Алёна — соратница Разина, и так уж вышло, что из всех его соратников, она — самая упоминаемая в контексте разинского восстания и литературы об этом восстании. И если Разин — «самое поэтическое лицо русской истории» — оставил после себя сравнительно большой корпус документальных упоминаний и целый пласт русского фольклора, то Алёна, кроме приведённых выше скупых документальных строк, не оставила ничего. В этом заключается её феномен.

В отечественной разиноведческой историографии старица Алёна появилась не сразу. Первым русским учёным, заинтересовавшимся восстанием Разина, был гидрограф Петра Великого Ф. И. Соймонов. В 1723 году он обнаружил и затем опубликовал «Известие о буйстве и злодействах донского казака Стеньки Разина. Взятое из российского Хронографа того же времени», но в нём не было ни слова о монахине-атаманше.*

---

* Соймонов Ф. И. Описание Каспийского моря и чинённых на оном российских завоеваний. СПб., 1763. С. 361 – 378.